

Красный трамвай

Рассказ

*Я даже вправе погулять слегка,
пройтись пешком, довериться трамваю.*

Теодор Крамер

(Перевод Евгения Витковского)

Меня зовут Сауле. И я хочу рассказать о красном трамвае, он каждый день ездит под моими окнами. Я представляю его ярко-огненный цвет и сажаю в него мужчину, своего знакомого, он писатель.

Каждое утро он идет на остановку и ждет там трамвай № 7, ведь семь – счастливое число. Так, писатель садится

в красный трамвай и добирается на нем до набережной городской речки. По дороге он смотрит в окно и слушает разговоры. Однажды это были совсем юные парень и девушка. Парень сказал:

– Я хочу поговорить о любви.

– Да, – произнесла девушка в волнении.

– Но тебе нужно измениться.

– Да-а-а? Мне казалось...

– Нет, подожди. Давай я сразу всё скажу.

– Ладно.

– Тебе нужно покрасить волосы и перестать говорить без конца о бабушке. Она у тебя хорошая и очень добрая, мне она тоже нравится, но пойми – нам не стоит слишком часто говорить о старых людях, это меняет энергетику в комнате.

– Хорошо.

Девушка подошла к двери и легко спрыгнула с подножки на каменную брусчатку остановки. Писатель сидел у окна и всё видел...

Как повернул голову и привстал от неожиданности молодой человек, и как помахала ему серебристой сумочкой девушка:

– Прощай!

Парень только открыл рот, он будто хотел что-то спросить, но трамвай уже нес пассажиров к следующей остановке.

Писатель пришел домой, поужинал жареной картошкой со стейком, а после включил плоский, как тонкая книга, телевизор.

Там шел иностранный фильм (кажется, он так и назывался – «Счастье») о том, как жила счастливая пара – француз и француженка. Всё у них было хорошо и просто – влюбились, поженились, родили двух голубоглазых девочек с соломенными волосами. По воскресеньям ез-

дили на пикник за город, а по будням девушка работала швеей – шила платья на заказ соседкам и другим дамам. Парень работал таксистом.

Однажды в банке он познакомился с девушкой не красивее его жены. Но она была брюнеткой с большими черными глазами и длинными ресницами. Он попросил номер ее телефона, и она записала синие цифры на желтом банковском конверте. С тех пор он стал звонить этой девушке и приезжать к ней, они стали встречаться всё чаще и чаще. Даже сняли уютную квартирку в одном из парижских кварталов.

А после нескольких таких встреч он сказал жене в пикниковое воскресенье, когда они лежали на широком, сшитом женой лоскутном одеяле, расстеленном прямо на сочной клеверной траве:

– Понимаешь, Жюли, вот если посмотреть на это дерево, то у него мы видим много веток. Они все крепкие, и на них много листьев. Это дерево моей любви, и у него сильные, глубокие корни, оно может выдержать много других веток, понимаешь? Вот эта ветка – твоя. А вон та – другой девушки. Я встретил ее месяц назад в банке. Она кассир и очень красивая, почти такая, как ты. Я полюбил ее так же, как тебя, потому что моя любовь похожа на это дерево – ее хватит на все ветки. Это никак на тебе не скажется. Понимаешь ли ты это, Жюли?

– Да, понимаю, – отвечала Жюли после паузы.

И оба заснули. А когда он проснулся, жены рядом не было. Жак спросил своих девочек: «Где наша мама?» Они не знали. Тогда он расспросил приехавших на такой же пикник людей: «Вы не видели мою Жюли? Очень красивая голубоглазая блондинка, у нее платье в синий цветочек». «Нет, не видели», – отвечали люди.

«Конец у фильма, должно быть, очень грустный», – подумал писатель и выключил телевизор.

Когда экран погас, он еще посидел в полумраке комнаты, не решаясь встать и включить свет. Писатель смотрел на тапочки, на темную кромку ковра и вспоминал разговор с женой восьмилетней давности. Всё было почти так же. Только у героини в кино платье было молочное, в мелкий синий цветок, а его жена была в бордовом шелке.

Потом случилась еще одна история, и, вспомнив о ней, писатель вздохнул. Он прошел в кабинет и сел за стол. Достал тетрадь и написал название – «Рассказы о любви». Пришло время поговорить о ней после всего, что сегодня произошло в красном трамвае.

Секрет

Таня пришла на собеседование в отделанную светлым деревом приемную. На полу – бордовые афганские ковры, а на стене – картина Марка Ротко с преобладанием сочного красного. Строгая девушка в юбке до колена и с подколотым шпильками пучком предложила чай или кофе.

– Спасибо, лучше кофе.

– С молоком?

– Лучше без.

– Вы профессионально танцуете? – спросил директор издательства, окинув Таню изучающим взглядом. Его звали Тимур. На вид тридцать пять, крепкий, энергичный. Подтянутый. Резюме он начал читать с конца, там, где начинается графа «Хобби».

– Да, немного. Пять лет занималась латинскими танцами.

– Отлично.

– Да.

- Какое у вас образование?
- Институт металлов и сплавов с красным дипломом.
- Вы нам подходите.
- Но... вы у меня ничего не спросили.
- Вы нам подходите.
- Спасибо! Выйти можно завтра?
- Да. В отделе кадров есть девушка Аня, она все расскажет. Испытательный срок у нас три месяца.

На столе зазвонил сотовый телефон, и Тимур стал обсуждать с каким-то Ричардом условия выхода завтрашней статьи.

– Hi, Richard, excellent news! I'm so happy hear it from you*. – Он заулыбался и, казалось, уже забыл о существовании будущей сотрудницы.

«Как быстро он переключился», – подумала Таня.

Она встала, зачем-то поправила воротник блузки, сказала «до завтра» и вышла из кабинета.

Через месяц Тимур пригласил ее в ресторан, там готовят «отличные австралийские стейки». Таня приглашение приняла сразу, без жеманных «подумаю» и «посмотрю свой плотный график». Тимур понравился ей с первого взгляда, и, когда из Караганды позвонила мама, Таня в который уже раз ответила: «У меня всё хорошо, мама, не волнуйся».

Так и было.

Через пять дней после первого свидания Тимур сделал Тане предложение, через семь – познакомил с друзьями, а через полтора месяца была свадьба. Она прошла как

* Привет, Ричард, отличные новости! Как я рад слышать это от тебя. (Пер. с англ. яз.)

положено: с икрой ложками, обжигающей музыкой и высокими цветами в вазах.

Только подсвечник на столе молодых упал, и воск от погасшей свечи запачкал серыми каплями платье невесты.

Подоспевший официант поправил подсвечник, заменил в нем погасшую свечу и помог оттереть с Таниного платья воск специальной перчаткой. Правда, след успел впитаться и уже не был так виден, как вначале.

«К добру ли?» – подумала мама невесты, но вслух ничего не сказала.

Меньше чем через год у них родился сын, и семья переехала в Москву. Там ждали большие планы и обставленный в знакомом стиле дом в пригороде.

«Не может быть!» – хотелось Тане крикнуть миру. Но делилась радостью она только с лучшей подругой Ларой по скайпу. Лариса давно переехала в Киев, встречаться они могли редко, может, только раз в пару лет одна приезжала в гости к другой.

– Вечером жду тебя с бокалом белого в скайпе. Тимур вчера с выставки принес пять бутылок!

К сухому вину добавлялась гроздь крупного сине-черного винограда и сыр – бри, рокфор или мягкий камамбер в плотной белой кожурке. Жизнь обещала быть светлой и радостной, как стеклышко в «Секрете», была такая игра в детстве.

Это когда выкапываешь палочкой ямку, кладешь в нее что-нибудь – бусинку, гладкий камешек или осколок разбитой бутылки, закапываешь и украшаешь холмик березовой сережкой. Потом про секрет забываешь, а когда через месяц или два вспомнишь, откапываешь, достаешь зеленый кусочек стекла, плюешь на него, растираешь ладошкой и поднимаешь осколок выше глаз – надо посмотреть на небо, потом отыскать на нем облако, а потом перевести взгляд на солнце.

Солнце становилось не таким ярким, так можно было дольше на него смотреть.

Следующей осенью у пары родилась девочка, и после долгой бессонной зимы показалась весна. Тимур пришел домой поздно, от него пахло вином. Поцеловал спящую дочку и торжественно вручил Тане два билета на самолет до Батуми.

– Погуляем по бульвару вдоль набережной, заедем в галерею Дато. Потом купим тебе новое платье. Ты хотела красное в пол?

Таня нашла платье почти сразу по прилете – в одном из магазинчиков, тянущихся по узкой мощеной улице старого города. Оно было из плотного японского шелка с тонким шифоновым подкладом и глубоким вырезом на спине. Никаких украшений, только небольшой шлейф сзади.

Она примерила платье еще раз в номере гостиницы и покрутилась, изображая цыганку с веером.

– Какая ты красивая! – сказал Тимур. Он предложил не снимать обновку, а сразу поехать к другу в картинную галерею.

Они спустились по широкой лестнице и сели в длинную машину с запахом кожаных кресел и морского соленого воздуха.

Водитель осторожно закрыл за шлейфом дверь. Швейцар и консьерж сдержанно улыбнулись и помахали белыми перчатками. Машина плавно двинулась в обратную сторону.

Через несколько минут мужу кто-то позвонил. Он быстро глянул на загоревшийся экран, но не ответил, а взял Танину руку в свою и предложил поговорить о любви.

Он так и сказал:

– Давай поговорим о любви.

– Хорошо! – обрадовалась Таня, она еще успела подумать: какие сказочные три дня.

– Это может быть неожиданно для тебя, но послушай. У меня есть другая женщина. Мы познакомились на винодельческой выставке в прошлом году, и она этой ночью родила мальчика. Я должен лететь к ним. Она в роддоме совсем одна и очень нуждается в моей поддержке.

На последних словах Таня потеряла сознание.

Приехала какая-то белая машина, какие-то люди сделали укол, и запачкалось чем-то красное шелковое платье.

Потом был зал ожидания с прибитыми к полу скамейками. На одной из них сидела оглушенная Таня – в красном платье посреди старинных кирпичных стен. Потом были московский аэропорт и взволнованная Лара с цветами у выхода – она прилетела первым рейсом сразу после Таниного звонка.

То красное платье Таня по приезде не выбросила, а повесила красный шелк на шест, сложила сухие ветки холмиком, доложила бумаги и чиркнула спичкой.

Писатель выключил настольную лампу. Встал, походил по комнате, пошел на кухню и заварил себе кофе. Впереди ночь, есть время написать до утра еще пару рассказов. Он помыл чашку, поставил ее обратно в буфет. Посмотрел в окно, задернул шторы и вернулся в кабинет.

Там ждала исписанная наполовину толстая тетрадь и черная поверхность рабочего стола. Писатель взял ручку и написал на развороте:

Разговор

Муж просыпался раньше жены и сразу шел к телевизору – узнать, что нового на спортивном канале. В этот день всё было так же: Зира в утреннем вафельном халате вышла из спальни, и муж при виде жены встал.

– Доброе утро! – подошел, обнял за плечи, поцеловал.

– Почему ты всегда встаешь, когда видишь меня утром? – спросила Зира. Она уже знала, чем закончится этот день.

– Мужчина должен вставать, когда его женщина заходит в комнату, – улыбнулся он.

– Но ты мог бы дальше сидеть на диване, только посмотреть косо: господи, опять она.

– Нет, ты что! – засмеялся он и с удовольствием посмотрел на жену.

Она предложила позавтракать в кафе «Ди Вонг», они в него часто хаживали, когда только начали встречаться. Сегодня день их свадьбы, и нет ничего удивительного в том, что Зире хотелось встретить его в привычном уютном месте.

Десять лет прошло с того дня, как она сложила в мамин сундук белое платье. Это был сбитый из грубых досок деревянный короб с железной ручкой, красно-синей эмалью и чеканкой на передней стенке. Старинный. В него еще бабушка складывала приданое – тюлевые занавески, простыни и кримпленовые платья. Теперь бабушки и мамы нет, но остался сундук, в нем хранилось самое важное – мамин пуховый платок из верблюжьей шерсти, свадебное платье Зире и серебряная посуда, оставшаяся от бабушки: ложки, вилки, ножи, овальный леген для бешбармака и две круглые фруктовые чаши с изогнутыми змейкой ручками. Бабушка была дочкой раскулачен-

ного бая, привыкла к просторным комнатам и масштабам. Напоследок она сказала Зире:

– Ешь из серебра, носи шелк.

Зира так и делала – в ее просторном шкафу платьям было легко и свободно, каждое куплено в лучших магазинах на самые последние деньги, сэкономленные на жизни за границей и зарплате мужа. Его дипломатическая работа обоим не давала соскучиться. Польша, Австрия, Германия – в каждой стране они прожили по три года, привыкали, обставлялись до тех пор, пока мужа не отзвали обратно в страну, чтобы через несколько месяцев назначить в новую. Детей, правда, нет. Зира решила, что дурное дело нехитрое и можно благополучно родить ближе к сорока, когда страны и путешествия перестанут удивлять. Она так и сказала мужу:

– Я еще не все видела.

Что именно не видела – Зира не уточнила. Но за завтраком в «Ди Вонге» сообщила мужу, когда подали лимонный сорбет:

– Я хочу поговорить о любви. Именно сегодня. Потому что десять лучших лет прошли, и я уже год люблю другого. Спасибо тебе за всё.

Он молчал. Она встала и, не дожидаясь ответа, ушла, унося на плечах мамину пуховую шаль.

А он смотрел в окно и не видел за ним гор.

Писатель поставил точку и подошел к окну – по улице прозвенел, не останавливаясь, красный трамвай. Это были его рассказы – о нем самом. Сначала он говорил о любви, потом о любви говорили с ним. Трамвай уехал. Писатель не заметил, как его пропустил. Надо подумать о следующей истории.